

Хайім

алекс тарн

программер

knight

try

Алекс Тарн

Хайм

«Вимбо»

2013

Тарн А.

Хайм / А. Тарн — «Вимбо», 2013

Хайм – так называется система «второй жизни», куда уходят люди, уставшие от «первой». Убежище, где можно спастись и найти друзей, родных, близких, которые не обманут, не изменят и не изменятся. Убежище, где побеждена сама Смерть. Но не настигнет ли беглецов «первая реальность», давно уже ставшая для них чужой? Ведь для нее они всего лишь добыча... Роман «Хайм» был включен в длинный список «Русской Премии – 2013».

© Тарн А., 2013

© Вимбо, 2013

Содержание

1. Она	6
2. Найт	12
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Алекс Тарн Хайм

© Алекс Тарн 2013

* * *

1. Она

Слова, слова, слова. Они скользят мимо, уверенные и неторопливые, как рыбы, перекачиваются камешками-голышами, гладкими, звонкими, увесистыми, стучат мелким горохом дождевых капель. Я никогда не умела справляться с их постоянным движением и, наверно, поэтому с раннего детства боялась этой безостановочной гороховой канители, этого рыбьего кружения, затаенной угрозы этих каменистых осыпей. «Что произойдет со мной, – думала я, – когда слова хлынут и моим горлом? Они наверняка помешают дыханию: ведь воздуху нипочем не прорваться сквозь их слитный всеобъемлющий поток...»

Мне не было еще и двух лет, когда мои смутные страхи получили наглядное подтверждение. Я играла в кубики на ковре, а отец и бабушка ссорились прямо над моей головой. Вряд ли я понимала тогда суть их разногласий – она так и осталась неизвестной. Но даже самое маленькое существо в состоянии различить столь важные проявления человеческой природы, как вражда, агрессия, ненависть... – особенно ненависть. Они стояли друг против друга с искаженными лицами, почти не жестикулируя, так что ненависть выражалась не действием, а одними лишь словами. Нет, даже не так: слова не выражали ненависть, они *были* ненавистью. Отвратительные, хрипящие, обжигающие, слова выплескивались наружу, как кипяток из горячего крана. Вернее, из двух брызжущих ненавистью кранов.

Я испугалась – не за себя, а за них, за отца и бабушку – ведь это ужасное словоизвержение могло обжечь им рот или язык. Наверно, нужно было зареветь во весь голос, чтобы отвлечь и таким образом спасти взрослых, но вместо этого я продолжала механически переставлять кубики. Не исключено, что к тому времени я успела привыкнуть к подобным скандалам – скорее всего, они происходили и раньше. Но, так или иначе, у того, конкретного, была веская причина превратиться в мое первое по-настоящему яркое детское воспоминание: он оказался последним.

В какой-то момент бабушкин поток замедлился, а потом и вовсе распался на отдельные порции кипятка, словно на пути его встала некая плотина. Отец не обратил на это внимания, но я сразу почувствовала перемену, отставила кубики и наконец-то изготовилась зареветь. Увы, было поздно – проклятые слова уже вовсю душили мою бабушку. Она побагровела, хватанула руками воздух, выплюнула несколько последних словесных горошин и рухнула на пол. Помню ее страшное фиолетовое лицо с белыми глазами и подрагивающие шлепанцы на распухших ступнях, которые еще некоторое время продолжали жить самостоятельной, отдельной от бабушки жизнью.

В наши дни люди нечасто встречаются со смертью лицом к лицу; многие ухитряются прожить свой век, так ни разу и не увидев отлетающую душу. Мне повезло меньше: я стала свидетельницей преступления – а гибель человека всегда преступление – в возрасте неполных двух лет. Мою бабушку умертвили у меня на глазах, умертвили зверски, безжалостно задушив, не оставив ей ни единого шанса. Кто бы после этого сомневался в смертельной опасности, исходящей от слов, – ведь именно они стали ее убийцами! Неудивительно, что я настаивала на собственной бессловесности так долго, насколько это вообще дозволено маленькому человеку.

Не скажу, что эти два – два с половиной года были наполнены счастьем: нет, я испытывала постоянное беспокойство – даже не за себя, а за близких. Я впадала в оцепенение, когда мама снимала трубку, чтобы поболтать по телефону. Я зажмуривалась от страха, когда отец вставал, чтобы произнести тост за праздничным столом. А если старший брат нашептывал мне через проход между кроватями какую-нибудь фантастическую историю, то мурашки ползли у меня по спине отнюдь не из-за Красной руки или Черной ведьмы – этих традиционных персонажей детских страшилок. О нет, в горле моего неосторожного брата накапливались, набирая недобрую силу, куда более реальные враги – слова! Уж я-то понимала, на что они способны...

Лишь позднее я осознала истинную радость тех лет; по сравнению с адом, который ждал меня впереди, их следовало бы признать совершенно безоблачными. В то время родительскую ласку еще не приходилось зарабатывать при помощи речи; для того чтобы вознестись к материнским губам, достаточно было всего лишь поднять руки, а требовательный тык указательного пальца, как правило, немедленно доставлял желанную игрушку.

Ближе к ночи, уложив меня в постель, взрослые открывали книжку, дабы исполнить чудовищный ритуал чтения на сон грядущий. Тогда я еще ничего не знала о религиозных культах, и лишь потом мне пришло в голову, что этот обычай наверняка вырос из заключительной вечерней молитвы – а то и жертвы! – какому-нибудь отвратительному божеству с запекшейся кровью на деревянных рогах, клыках, фаллосе. И что с того, что впоследствии место божества заняло Слово, а молитва вполне закономерно обернулась чтением сказок – не менее, впрочем, кровожадных? Ведь по сути все осталось по-прежнему: языческий идол, ежедневный ритуал и дети – невинные жертвы людоедской религии...

Сначала я пробовала прятать или рвать злополучные книжки, но это не помогало: слова заблаговременно озаботились тем, чтобы размножить себя в огромных тиражах, так что на месте испорченных предметов культа тут же появлялись новые. Тогда я стала притворяться спящей; увы, в ответ мои добросовестные родители лишь слегка понижали голос, как будто их сковывало некое страшное заклятие непременно добраться до конца очередной главы. В итоге у меня не осталось иного выбора, кроме как выучиться читать самой. Потому что, наблюдая за книжками, я пришла к чрезвычайно важному заключению: не будучи произнесены вслух, слова теряют почти всю свою убийственную энергию.

Да, kloкоча в человеческой гортани, выплескиваясь из нее наружу, они напоминают поток смертоносного свинца, который брызжет из жерл многоствольного пулемета. Зато пригвожденные к бумаге типографской краской, слова выглядят по крайней мере так же безобидно, как патроны на складе. Как патроны – хорошо подсчитанные, удобно уложенные, надежно усмиренные грубой картонной упаковкой. Я не могла насмотреться на них – так ребенок не может оторвать взгляда от крупного хищника в зоопарке: тигр там, вдалеке, в клетке, за толстыми стальными прутьями и глубоким рвом, а я здесь, в безопасности, рядом с мамой... – кстати, где мамина рука? – ага, вот она, а ну-ка, вцепимся в нее покрепче на всякий пожарный...

Заметив, что я не расстаюсь с книжками, отец показал мне буквы. Взрослых обрадовало мое неожиданное рвение – оно хоть как-то окупало ту упрямую немоту, которой я продолжала придерживаться и которая уже всерьез беспокоила родных и близких. Буквы сами по себе мало интересовали меня – я предпочитала запоминать слова целиком, со всеми их когтями, пастью и хвостом, и этот метод обучения оказался удивительно эффективным. Родители с опасливым недоумением наблюдали за моим быстрым прогрессом; на шестом году жизни я уже почти свободно читала, так и не вымолвив ни единого слова с самого момента своего рождения.

Понятно, что такое положение не могло продолжаться вечно; меня стали таскать по врачам и психологам. Я молчала и там, довольно успешно справляясь с профессионально дружелюбными дяденьками посредством мрачного взгляда исподлобья. Куда сложнее было жить с гнетущим сознанием того, что мое поведение расстраивает родителей; по непонятным причинам они отказывались удовлетвориться прежними методами общения. Что, на мой взгляд, выглядело довольно странно: разве мы не становились всё ближе и ближе с каждым прошедшим месяцем? Разве не узнавали друг друга всё лучше и лучше? Отчего же тогда это сближение должно было сопровождаться усложнением общения? Неужели теперь мы не могли обойтись без слов там, где прекрасно обходились раньше?

Но тем не менее напряжение нарастало, и я уже не могла игнорировать заплаканные глаза мамы. Как-то раз она пришла поцеловать меня перед сном. Отложив книжку, я улыбнулась как можно лучезарней. Мы обнялись и сидели так какое-то время. Помню, что меня переполняло

абсолютное, ни с чем не сравнимое счастье, пока я вдруг не обнаружила, что мама плачет. Это крайне неприятное открытие застало меня врасплох. Еще мгновение назад я ни капельки не сомневалась в совершеннейшей гармонии наших чувств, и вот – на тебе! – такая диаметрально противоположность, такое взаимное непонимание, отчуждение, пропасть...

Я была поражена настолько, что начисто потеряла контроль над собой. Как выяснилось, проклятые слова только этого и ждали.

– Мамочка, не надо! – отчетливо выговорила я, прижавшись лбом к родной маминой шее. – Не надо плакать.

Мама резко отстранилась и уставилась на меня с выражением поистине безумной радости. Еще бы! Долгожданное событие свершилось – ребенок наконец-то заговорил!

– Котенька моя! – воскликнула она. – Слава Богу! А мы уже боялись...

И она встряхнула меня, как встряхивают старое, давно умолкшее, но вдруг проснувшееся радио в надежде услышать еще несколько звуков. Да-да, она хотела еще; она ждала новых слов, нового подтверждения; напрягшись до красноты и умоляюще шевеля губами, она смотрела мне в рот, словно вытягивая оттуда продолжение. Я почувствовала, что просто не могу обмануть это отчаянное истерическое ожидание, что обязана сказать еще хоть что-нибудь, хотя бы исключительно ради маминого спокойствия. Нужные слова – «всё будет в порядке» – уже стояли на низком старте где-то по центру груди и с показной готовностью поглядывали на меня, повелительницу. Почти поверив им, я кивнула и приоткрыла рот, чтобы вдохнуть немного воздуха.

И тут это случилось – ровно то, чего я так боялась все эти годы. Слова и не думали выскакивать наружу. Такие послушные на страницах книг, внутри гортани они вели себя подобно шайке дворовых хулиганов. Заводилой стал мелкий задиристый шпаненок Всё, бежавший впереди остальных. Он приостановился на полпути, презрительно фыркнул, послав в мамино лицо несколько капель слюны, и вдруг принялся свистеть, созывая товарищей. Сразу за ним шел Будет, тяжелый и неповоротливый, как буфет – из тех, которые приходится затаскивать в комнату по частям, потому что иначе они не проходят ни в какую дверь. Раскорячившись поперек горла, он сразу перекрыл мне дыхание. Я не помнила, какое именно слово убило мою несчастную бабушку – возможно, ее убийца вернулся, чтобы задушить и меня?! При мысли об этом я запаниковала не на шутку, и «Будет» раздулся еще больше. У меня не было ни единого шанса протолкнуть его в ту или другую сторону, но даже в случае успеха за мощной спиной вожака уже выстраивались в боевом порядке его драчливые кореша.

Я поняла, что сейчас умру, и почти уже смирилась с этим, когда перепуганная мама, схватив меня в охапку и крепко прижав, смяла таким образом нападавших бандитов.

– Не надо... не надо... девочка моя, не надо... – бормотала она, в то время как я жадно хватала ртом воздух, упиваясь вновь обретенной роскошью свободного дыхания.

Я ошибочно полагала, что спасена, но на самом деле жизнь моя в тот момент кончилась, потому что последующие годы трудно назвать нормальной жизнью нормальной девочки, девушки, женщины, человека. Бессловесный человек похож на беззубого бобра. Бобры строят свой мир, свой дом из поваленных деревьев; нет зубов – нет дома. Так же и человек не в состоянии прожить без слов. Они служат ему главным строительным материалом – все прочие ткани, доски и железобетоны являются лишь второй, третьей, десятой производной от тотального, всепроникающего владычества языка. Так что уродство немоты наиболее приближено к смерти из всех возможных уродств – наверно, поэтому кающиеся грешники, не имеющие возможности сбежать в самоубийство, принимают на себя предшествующую по тяжести меру наказания: обет молчания. Молчание – это еще не смерть, но почти смерть.

И все же лучше быть немой, чем зайкой.

Немые вызывают сострадание, а зайки еще и неловкость, смешанную с досадой. Немота – это уродство, а зайкание – еще и помеха, мучительная и необъяснимая, вызывающая к вынуж-

денному терпению окружающих, наказанных непонятно за что тяжелой необходимостью общения с уродом. Эта безвинная кара не может не раздражать даже самых добрых и снисходительных. «Да понял я, понял... – едва ли не вслух думают они, неловко пряча глаза, – какого же тогда черта ты продолжаешь долбить это свое слюнявое пэ-пэ-пэ...»

Мое уродство довольно быстро вышло на внешнюю орбиту, в ежедневную попытку школьного двора, к безжалостным насмешкам сверстников и напускному вниманию логопедов. Последних мои родители перепробовали видимо-невидимо, с равной степенью неуспеха. Зато я, насмотревшись на своих братьев по несчастью, осознала еще одну удручающую вещь: все они были мальчиками! И это добило меня окончательно. Единственным утешением отверженных является сознание того, что они не одни такие, что где-то есть похожие на них, а возможно, даже и худшие отщепенцы и уроды. Но ощущать себя отверженной еще и среди отверженных... – это уже чересчур!

Мужчина может позволить себе любое уродство, компенсируя его силой или умом, – в отличие от женщины... Женщина слишком зависит от своей внешности, чтобы демонстрировать кому бы то ни было перекошенное, налитое кровью лицо, дрожащий от напряжения подбородок и отвратительную гримасу умалишенного. Такая женщина обречена на одиночество, сколько бы нежности, силы и любви ни хранилось в ее душе, какой бы изощренной мощью ни обладал ее разум. Обречена.

Обречена. Я поняла это еще в школе и постепенно приучила себя к удручающей картине своего будущего – без благословенного дара семьи и материнства, без радостей дружбы и приятельства, без возможности выбрать профессию, работу, компанию. Я приготовилась жить именно так, бездарно и безрадостно, до скончания дней. Слова одержали победу и в этой войне. Они погубили меня, как некогда бабушку, убили, оставив в живых. Не могу сказать, что у меня вовсе не было светлых моментов. Оставались еще книги, музыка, кино, хорошая еда. Не обремененная необходимостью следить за фигурой, я не отказывала себе ни в чем и довольно быстро раздулась до безобразных размеров. Ну так что? Раздулась и раздулась – разве это что-нибудь меняло?

При первой же подвернувшейся оказии я уехала подальше от родного города – туда, где меня не знали, где никто еще не был свидетелем моего горя и унижения – ни школьные мучители, ни соседи-соглядатаи, ни шарлатаны-логопеды. Прикинувшись глухонемой, я стала работать машинисткой-надомницей: мне нравилось пригвозждать своих убийц к бумаге, наблюдать, как они бессильно корчатся на белом листе, подобные распятым разбойникам. Я вколачивала молоточки в печатную ленту, как гвозди – в беспомощные конечности испуганных букв. Натяните! Получите! Каково теперь вам, живым мертвецам, на белом саване листа, который попадет на глаза максимум десятку-другому людей?! Вас прочитают, а затем, скомкав лист, выбросят в мусорную корзину. Но вы не погибнете, нет!.. – вы останетесь жить во тьме и грязи неведомой свалки. На вас будут гадить помойные голуби, бумага будет понемногу желтеть, и мокнуть, и подсыхать, и мокнуть снова, и снова желтеть, а вы по-прежнему будете висеть на ней распятыми гладиаторами, забытые, не востребованные, никому не нужные – в точности как я. Почувствуйте себя в моей шкуре, подлые душегубы!

Больше всего я любила печатать многостраничные инструкции по технике безопасности, которые стопроцентно не берет в руки никто и никогда. Зарботок был невелик, но вполне достаточен для моих более чем скромных потребностей. Так я и жила – печатала и читала, печатала и ела, печатала и спала; за окном дождь сгущался в снег, осень перетекала в декабрь, который тут же сменялся следующей осенью и следующим декабрем. Инструкции тоже оставались прежними: по-моему, их не читали даже составители – просто брали и пересылали мне старые, якобы проверенные временем, но на деле так никем и не читанные образцы. В этом нехитром режиме я дотянула бы до самой могилы, но случилось непредвиденное: поток зака-

зов стал быстро мелеть, а затем и вовсе иссяк. Выглянув из своего убежища, я обнаружила, что произошла революция: место пишущих машинок заняли компьютеры.

Не помню, что было тогда на дворе – декабрь или осень, да это и неважно. Важно, что мне пришлось переключиться на новую профессию – сетевого редактора. Так в мою жизнь вошел интернет. Я не сразу поняла значение этих перемен для меня лично, но когда поняла... о, какими волшебными красками вдруг осветилось мое серое мышинное бытие! На интернетовских форумах я наконец-то могла быть собой – такой, какая я есть на самом деле! Быть собой и общаться с другими людьми – без проклятой необходимости проталкивать через рот громоздкие до непроходимости слова. Я уже не чувствовала себя прокаженной; для меня это было равносильно выходу на свободу из пожизненного заключения, не меньше.

Вволю погуляв на нескольких сетевых площадках, я стала задумываться о поисках более-менее постоянного пристанища. В Сети, как и снаружи, люди со временем надоедают друг другу. Любой умник в конце концов начинает повторяться. Сколько раз можно слушать всё тот же, добела обсосанный анекдот? Но разница между наружной и сетевой ситуациями заключается в том, что снаружи ты редко имеешь возможность что-либо изменить. Для смены близкого круга друзей необходимо как минимум переехать в другое место – да и это не всегда помогает. Не говоря уже о том, что далеко не каждый в состоянии позволить себе роскошь переезда: люди обременены работой, имуществом, родственниками... Зато в Сети достаточно всего лишь перебраться на другой форум, или сменить имя, или просто отредактировать список друзей – и дело в шляпе!

Но мне захотелось иного. Я уже ощущала себя почти нормальной, а в жизни нормального человека непременно присутствует то, что в отличие от друзей не приедается никогда – семья. Семья! Родные, милые сердцу люди, которых любишь, как Бога, – не по какой-либо определенной причине, а просто потому, что они есть.

Я твердо помнила, что такое бывает – ведь это происходило и со мной, в моем собственном детстве: мама, отец, брат... Некогда и я владела этим сокровищем – до того ужасного вечера, когда опрометчиво переступила через порог молчания... Это было, было и прошло, заслоненное черным пологом свалившейся на меня беды. И вот теперь я расхрабрилась до такой степени, что позволила себе мечтать о возвращении этого головокружительного чувства любви. Боже, я только тогда и поняла, насколько мне не хватает весны и лета в моих бесконечных декабрях!

И вот, пробуя, отвергая или откладывая на потом разнообразные сетевые варианты, я добралась до Хайма. Именно так называли эту систему ее постоянные клиенты, хотя, конечно, английское слово «HiM» читается иначе, пусть даже и с заглавной буквой на конце. Возможно, думала я, в названии защиты не одно, а сразу два слова: например, восклицание «Hi!» и еще какое-то другое, начинающееся на «М». Тогда получается что-то типа приветствия: «Hi, man!» – довольно логично для входного экрана. Были и другие толкования, но это казалось наиболее правдоподобным. Помимо всего прочего, оно помогло мне сделать важный начальный выбор. Ведь записываясь в сетевое сообщество, человек должен сразу определить параметры своей тамошней личности: пол, возраст, уровень образования, профессию, имя... От всего этого в конечном счете зависит его будущая жизнь в Сети; и все это не обязательно хотя бы краем соответствовать так называемым «истинным» деталям так называемой «реальности». Потому что в деталях этих нет ровным счетом ничего «реального» и уж тем более «истинного».

Можно подумать, что кто-то спросил меня, хотела ли я родиться именно тем, кем родилась, именно в том месте и в то время, у тех, а не этих родителей. Можно подумать, что я сама выбирала себе школу, соседей, близкое окружение, судьбу... Нет, все это было навязано мне неизвестной силой, абсолютно равнодушной к моим желаниям, мечтам и надеждам. Получалось, что вся моя «реальная» жизнь, как и «реальные» жизни других, представляла собой сплошную череду насилия, которая не имела ничего общего с действительно истинным «я»,

скорчившимся в комок внутри бутафорской, чужой оболочки. И эту грубую декорацию кто-то еще именуется «реальностью»? Смешно, честное слово, смешно.

Зато в Сети я могу позволить себе вдохнуть полной грудью. Там я такая, какой *хочу* быть. Передо мной открыты любые возможности: от тишайшей мыши – до Христофора Колумба! Остается лишь понять, чего же мне в действительности хочется...

До регистрации в Хайме я перепробовала много вариантов и потому примерно представляла последствия того или иного решения. Больше всего я сомневалась относительно пола. Обычно первым побуждением уродливой женщины-недоучки бывает стремление записаться эдакой легкомысленной и в то же время роковой красавицей с тремя высшими образованиями. Но меня беспокоила сложность разыгрывания этой непростой роли. Куда проще изображать мужчину: мало того что эти незамысловатые существа, как правило, ведут себя довольно однозначно и предсказуемо, так им еще и охотно прощаются любые, самые чудовищные ошибки. Зато малейший сбой в интонации женщины немедленно заставляет насторожиться даже не слишком чувствительное ухо.

Кроме того, моей главной целью было обзавестись семьей, а первые стадии этого процесса традиционно доступней мужчине. Ведь именно он играет в этом деле активную роль, в то время как женщину обычай заставляет скромно дожидаться момента, когда тот или иной самовлюбленный кретин соизволит обратить на нее свое царственное внимание. Конечно, на практике инициаторами этого контакта все равно являются женщины, но трудно вообразить, сколько времени и сил уходит у нас на нелепый павлиний танец вокруг да около! Я же твердо вознамерилась добиться своего кратчайшим путем, без долгих романов, романсов и прочего ухажерства.

А еще... если быть до конца честной, то я побаивалась слов. Нет-нет, пригвожденные к белому полю монитора, они выглядели столь же безопасными, как и на бумажном листе, некогда выползавшем из-под каретки моей пишущей машинки. Но все же, все же... – чем черт не шутит? А вдруг?... А вдруг удушающее косноязычие настигнет меня и в моем сетевом убежище? Обжегшись на молоке, дуешь на воду. «Так или иначе, – думала я, – если судьбе покажется забавным вновь запихнуть меня в зайки, то пусть лучше это будет зайка мужского пола. Мужского, а не женского!»

Итак, на первый взгляд, все говорило в пользу того, чтобы сказать мужчине. Тем не менее я колебалась несколько дней, пока не додумалась до вышеупомянутого «Hi, man!». Это решило вопрос. Уж коли даже название системы открыто благоволит к мужскому полу, то стоит ли мне и дальше сомневаться? И я недрогнувшей рукой зарегистрировалась в качестве тридцатилетнего мужчины, чье имя – Найт – недвусмысленно провозглашало ценности, которые я полагала самыми привлекательными в мужчине: рыцарское благородство, самоотверженность, верность. Подобный красавец не должен был испытывать никаких сложностей в поисках подходящей семьи – во всяком случае, лично я по первому зову побежала бы за ним на дальний край света.

2. Найт

Бывало ли с вами такое: подходишь утром к зеркалу, чтобы побриться, и вдруг видишь перед собой абсолютно незнакомого человека? Или того хуже: не человека, а пупырчатое жабообразное чудище, смешное и отвратное одновременно... И явление это настолько явно, настолько живо, что приходится закрывать глаза, трясти головой и, возможно, даже пару раз стукнуть себя кулаком по лбу, дабы окончательно сбить наваждение. А потом, выждав секунду-другую, осторожноенько приоткрываешь веки, а сам боишься... не веришь, но боишься: что там окажется, что?.. Может, не открывать, воздержаться? – нет, все-таки нужно бы открыть... раз, два, три – открываем! Открыли! Ну?!

Слава Богу! Можно приступить к бритью. И ты приступаешь, иронически поглядывая в зеркало на свои особые бритвенные гримасы – дурацкие, но такие родные, естественные, человеческие, а потому удивительно уютные на фоне еще не остывшего воспоминания о той неожиданной жабьей морде, тень которой нет-нет да и промелькнет перед глазами, подобно неприятнейшему инородному кадру невинного, в общем, фильма – двадцать пятому кадру, которого вроде бы не видишь, но тем не менее твердо знаешь, что он есть.

Примерно такое чувство владеет мною, когда я перечитываю Ее заметки. Может ли такое быть, что это странное существо имеет ко мне хотя бы малейшее отношение? Нет-нет, поймите меня правильно: я не из тех, кто станет пинать упавших или неуважительно отзываться о женщинах, какими бы... гм... какими бы... ну, скажем, непривлекательными они ни были. Я воспитан совершенно иначе. И все же. Одно дело – протянуть руку помощи некой не слишком презентабельной особе женского пола, пусть даже и испытывая при этом не очень приятные чувства. И совсем другое – добровольно ассоциировать с ней себя самого! Что за дикая нелепость!

Но ведь именно на это Она намекает! Вернее, не намекает – пишет напрямую! Я, мол, ее вторая, а то и первая ипостась, ее истинная сущность, ядро ее затаенной личности! Не скрою, сначала я был немало шокирован этими заявлениями; не раз меня так и подмывало дать самозванке достойную отповедь. Это ж надо такое придумать: она бы побежала за мной на дальний край света! Побегать-то, может, и побежала бы, да только вот смогла бы догнать? При такой-то комплекции...

Однако, поостыв и поразмыслив, я устыдился собственного эгоизма. Хорошо мне, рожденному в Хайме, с моей безупречной внешностью, умом и характером – а каково ей, уродливой жирной зайке, безнадежно застрявшей в капкане наружного мира, равнодушного и бесчеловечного? Достойно ли буду выглядеть я, счастливчик и красавец, если стану сыпать соль на ее саднящие раны? Да-да, я элементарно пожалел эту несчастную женщину и несколько не стыжусь этого. Тот, кто полагает, что жалость унижает человека, просто никогда по-настоящему не нуждался в этом крайне необходимом товаре. Есть, знаете ли, такие самоуверенные всезнайки, родившиеся с золотой ложечкой во рту.

Кто-кто, а я к их числу не принадлежу со всей определенностью. А как же, спросите вы, только что прозвучавшие слова о «счастливчике и красавце»? Нет ли здесь очевидного противоречия? Подобный вопрос говорит о полном незнании устройства жизни в Хайме, где все люди появляются на свет одинаково красивыми и счастливыми. Обратите особое внимание на слово «одинаково». Да-да, базовый стартовый набор, которым снабжается новичок Хайма, не только весьма ограничен, но и сильно унифицирован. Можно задать пол, возраст, рост, цвет кожи, глаз и волос, можно выбрать одну из десяти стандартных причесок и два-три варианта одежды, но на этом возможности бесплатной индивидуализации заканчиваются.

Если вы хотите изменить свой облик так, чтобы отличаться от десятков тысяч других жителей Хайма, вам приходится платить. Мелкие детали можно поправить без особых про-

блем, взяв напрокат программные инструменты – это стоит недорого. Чтобы добавить родинку на щеку или цепочку на шею, необязательно быть профессиональным художником. Труднее изменить форму носа или овал лица – за этим обычно обращаются к специалисту. То же и с одеждой. Кто-то пробует нарисовать рубашку самостоятельно, а кто-то сразу ищет модельера – благо выходящие в Хайме газеты ломаются от рекламных объявлений.

Как и снаружи, тут есть свои гуччи и диоры; имея нужный талант, вы можете нешуточно разбогатеть. К несчастью, я начисто обделен умением рисовать, дизайнер из меня никудышный, архитектор никакой, а именно эти профессии ценятся в Хайме превыше всего. Кто-то ведь должен изображать все эти пейзажи, виллы, городские улицы, автомобили на улицах, интерьер баров и жилых комнат... Каждый рисунок стоит денег, и на всё находятся покупатели. Кстати, о деньгах: местная валюта – хайлер – на сегодняшний день соответствует примерно одному американскому центу. Еще полгода назад она котировалась вчетверо дешевле.

Администрация Хайма продает виртуальные участки, чья стоимость постоянно растет. Земельные магнаты и спекулянты недвижимостью скупают пустое пространство, нанимают топографов, живописцев, чертежников, и те немедленно приступают к делу. Проходит месяц-другой – и в буквальном смысле из ничего вырастают горы, долины, появляется река, и мост через реку, и дорога, повторяющая изгибы реки, и машины на дороге... Все это оценивается реальными деньгами, а значит, и становится реальностью: вон ту очаровательную травянистую лужайку на берегу продают всего-навсего за четыреста тысяч хайлеров. Хотите – покупайте, нанимайте архитектора, дизайнера, стройте дом своей мечты, приглашайте гостей на новоселье. А через год администрация разрешит учредить в выросшем по соседству городе аэропорт, и стоимость вашей виллы сразу вырастет как минимум десятикратно.

Такова она, жизнь в Хайме – иногда здесь приходится вертеться не меньше, чем снаружи... Не то чтобы я когда-нибудь бывал там, в наружном мире, да и желания такого не испытываю. Если судить по Ее рассказам, мир вне Хайма полон омерзительных гадостей, зла и преднамеренного обмана. Снаружи с людьми происходят странные вещи: они болеют, старятся и умирают. Доходит даже до того, что они убивают друг друга! Предвижу недоумение своих соседей по Хайму: болеть, стариться, умирать, убивать... – в здешнем словаре эти глаголы попросту отсутствуют. Мне тоже трудно было представить себе, что они означают, и я попросил у Нее объяснений. Она заплакала и сказала, что смерть – это полное исчезновение человека, наподобие стирания аккаунта в Хайме.

Сначала я не поверил: дело в том, что в Хайме насильственно стереть аккаунт может только администрация. Но зачем администрации уничтожать собственных клиентов? Где тут логика? В ответ Она только пожалала плечами: мол, не хочешь – не верь. Странно, не правда ли?

Честно говоря, мне было бы вовсе до лампочки происходящее снаружи, когда бы не одно печальное обстоятельство: каждый житель Хайма полностью зависит как минимум от одного снаружиста. К примеру, лично я накрепко связан с Нею, этой толстой уродливой заикой. Это ведь Она создала мой аккаунт. Она одолжила мне денег на первое устройство – на одежду, пластические операции, поиски работы. Она ежедневно вызывает меня из небытия, включая свой компьютер и заходя в Хайм. Не будь Ее, не было бы и Найта. Эта унижительная зависимость крайне неприятна сама по себе, но неопределенность будущего делает ее и вовсе невыносимой. Ведь если снаружи безумствует нелогичная, внезапная смерть, то рано или поздно и моя Она просто исчезнет и больше никогда не подойдет к клавиатуре. Это бы еще ладно, но получается, что вместе с Нею исчезнут и я, Найт!

Почему? За что? Это просто не укладывалось в моей голове. Ладно, думал я, допустим, снаружи действуют свои законы – дикие, преступные, античеловеческие, чужие. Ну и черт с ними, пускай себе пожирают друг друга, пока не исчезнут окончательно. Но у нас-то в Хайме всё устроено совершенно иначе! Здесь нет ни смертей, ни болезней, ни старости! Отчего же

тогда мы должны расплачиваться за нелепые порядки снаружистов? Зачем? И снова Она лишь беспомощно пожала плечами: мол, откуда мне знать?

Выходило, что даже сами снаружисты не надеялись что-либо изменить в своей незавидной судьбе – на что же мог рассчитывать я, не имевший ни единого шанса выбраться за пределы Хайма? Эта мысль в какой-то мере успокоила меня; я решил не тратить время на пустые переживания, а сосредоточиться на главной своей задаче – поисках семьи.

Как я уже говорил, мои способности не позволяли рассчитывать на быстрое обогащение; рисовать я не умел, геодезии и архитектуры не знал, спекулировать боялся. Моя уродливая снаружистка порекомендовала мне попробовать себя в области рекламы; удивительно, но этот странный совет пришелся ко двору. Как выяснилось, слова слушались меня, покорно выстраиваясь вдоль строк в звонкие и хлесткие фразы, которые пользовались успехом у рекламодателей. Поработав с месяц-другой в провинциальном рекламном листке, я перебрался в крупную газету, а затем и вовсе открыл собственное агентство.

На этом этапе мне уже не требовалась Ее финансовая помощь и я даже начал потихоньку возвращать ей старые долги, чтобы не чувствовать себя обязанным. Судя по всему, снаружи Ей приходилось несладко – не знаю, на какие средства она жила... – да и жила ли она вообще? Вряд ли слово «жить» подходит к описанию унылого бытия этого расплывшегося, неухоженного, несчастного существа, каким была моя персональная снаружистка. Говорю вам, временами человека просто оторопь берет от одной мысли о том, от кого ему приходится зависеть!

Возврат долгов сопровождался скандалами.

Она отказывалась брать деньги, обижаясь до глубины души и всякий раз утверждая, будто бы я, Найт, представляю собой ее вторую, а точнее, даже первую – ибо истинную – ипостась и потому не должен ей ровным счетом ничего, как правая рука не может быть должна левой, поскольку обе они принадлежат одному и тому же телу. Я же, напротив, стремился непременно всучить Ей очередной платеж именно для того, чтобы доказать обратное: мы с ней совершенно разные люди, разные сущности, не имеющие между собой ничего общего! Ничего!

После долгих споров Она умолкала, что можно было истолковать как знак согласия, и я торжественно переводил свои хайлеры в наружную валюту. Они уходили со счета, но довольно быстро возвращались окольными путями, якобы незаметно для меня. В Хайме всегда есть на что потратить деньги; время от времени я обнаруживал, что в арсенале моей мимики появилась новая брезгливая гримаска, или тонкая полуулыбка, или ироническое движение бровью. Все эти вещи здесь покупаются – базовый набор выражений лица включает всего три примитивных варианта: улыбку, удивление и гнев. Некоторые жители Хайма вполне обходятся этим, предпочитая потратить лишний хайлер на мебель, автомобиль или кружку пива в баре, но моей целью было познакомиться с хорошими семейными партнерами, что, в свою очередь, требовало умения вести достойную беседу. А достойную беседу трудно завязать без достаточно развитой мимики, и мы с самого начала основательно вложились в закупку разнообразных улыбок, пронизательных прищуров, романтических взмахов ресницами и соответствующих голосовых интонаций.

Возможно, поэтому Она полагала, что я не стану обращать внимания на ту или иную незначительную добавку к довольно внушительному комплекту. Конечно, эти нехитрые уловки не могли меня обмануть, но стоило ли продолжать утомительные пререкания? Я предпочитал делать вид, будто и впрямь ничего не замечаю – в конце концов, с формальной точки зрения выходило, что я вернул очередную порцию долга, что, собственно, и требовалось. В итоге у меня накопился огромный набор выразительных средств; вооруженный ими, я без каких-либо опасений приступил к созданию семьи.

Снаружи люди вступают в брак под влиянием случайных, зачастую эфемерных факторов. Выбор невест и женихов изначально ограничен узким кругом общения, учебы, работы. Получается, что список кандидатов в жены или мужа сформирован отделом кадров твоей конторы

или приемной комиссией университета, что нельзя не признать вопиющей нелепостью. Далее включается половое влечение – вещь преходящая по сути своей; оно-то и принимает окончательное решение. Неудивительно, что образовавшиеся пары обречены либо на быстрое расставание, либо на мучительный процесс притирания друг к другу – процесс, неизбежно сопряженный с отказом от сокровенных желаний и идеалов юности, иными словами – с отказом от самого себя.

Появление детей только усугубляет печальную картину отчуждения. Бывает, что поначалу ребенок приносит радость, но и та улетучивается по мере взросления: ведь мало-помалу дети осознают, в какую клоаку они попали по милости любимых родителей. Вполне закономерно, что бедняжки ощущают себя жертвами предательства, превращаясь к подростковому возрасту в чужаков, а то и в самых непримиримых, зачастую беспощадных врагов. Их последующий уход из семьи воспринимается с облегчением, и лишь оно, это облегчение, добавляет сил состарившимся партнерам по несчастью, по трусливому одиночеству вдвоем; лишь оно помогает им кое-как дотащить до могилы оставшиеся унылые годы.

У нас в Хайме всё обстоит совершенно иначе.

Встречаясь с человеком, ты видишь не уродливый плод случайных обстоятельств, а результат свободного выбора. Ты можешь быть уверен: перед тобой тот, кто нравится самому себе, тот, кому нечего скрывать. Он весь как на ладони; единственное темное пятно – это соответствующий ему оператор-снаружист, но снаружист потому и именуется снаружистом, что пребывает снаружи, в стороне от нашего светлого рая.

Эта изначальная открытость служит основой прочного доверия. Люди какое-то время общаются, выясняя и оценивая степень схожести интересов, а затем спокойно принимают решение – разойтись или продолжить. При этом они могут быть уверены, что завтра или через год ничего не изменится, партнеры останутся прежними – и внешне, и внутренне. Ведь люди в Хайме не старятся и не болеют, так что неприятные неожиданности такого рода совершенно исключены.

Детей в Хайме не рожают – с ними знакомятся, подбирая необходимый возраст, характер, способности. Главная и замечательная особенность хаймовских ребятишек заключается в том, что они не растут, навсегда оставаясь именно такими, какими мы желаем их видеть. Нет, если кому-то вдруг захочется перемен, то достаточно заплатить художнику, и тот без проблем обеспечит вам возмужавшего сына или повзрослевшую дочь – ровно настолько, насколько было заказано. Но такие заказы делаются крайне редко, что понятно: детей тут заводят для того, чтобы наслаждаться их обществом, а не для того, чтобы вырастить и расстаться. Семейные очаги Хайма теплятся ровным и спокойным огнем постоянного, а потому абсолютного счастья. Ах, если бы нам удалось еще и преодолеть зависимость от своих снаружистов!..

Не скрою, в своих поисках я всю использовал преимущества профессии, просматривая приходившие в газету объявления задолго до того, как они появлялись в разделе «Знакомства». На практике это предоставляло мне право если не «первой ночи», то первого контакта с теми вариантами, которые казались особенно перспективными. Спустя несколько недель, до отказа заполненных перепиской и свиданиями, я наконец встретил их.

Объявление выглядело более чем стандартно, без каких-либо графических изысков, залихватских речевых оборотов и других попыток заинтересовать с первого взгляда. «Женщина (28) и мальчик (5) ищут человека, согласного стать мужем и отцом», – только и всего. Я сказал «стандартно», но теперь возьму это слово назад, потому что стандартный стиль как раз таки подразумевал совершенно иной подход – в частности, обильное использование прилагательных. Обычно писали что-нибудь вроде «красивая молодая спонтанная женщина»... «жизнерадостный очаровательный талантливый ребенок»... «остроумный высокообразованный обеспеченный солидный надежный мужчина...» и так далее. А тут – ни одного эпитета,

то есть вообще ни одного, ноль. Это само по себе привлекало внимание, и я написал им, предлагая назначить место и время встречи.

Ответ пришел почти сразу. Женщина – ее звали Трай – соглашалась увидеться, но просила меня избавить ее от необходимости выбирать. «Как я понимаю, – писала она, – такие свидания принято устраивать в кафе или в ресторанах, а мы с Постумом так плохо разбираемся в подобных вопросах, что непременно попадем впросак. Если Вам нетрудно, возьмите выбор места на себя. Пожалуйста. Что-нибудь подходящее для пятилетнего мальчишки – знаете, они любят самые простые вещи: пиццу, гамбургер, чипсы, стакан колы... И еще одна просьба: пусть это будет не слишком поздно. В девять мальчик уже начинает клевать носом».

Я снова и снова читал это письмо, и с каждым разом оно нравилось мне все больше. Женщины, с которыми я переписывался раньше, редко отказывались от выбора места встречи, и по характеру их предпочтений можно было безошибочно определить, стоит ли вообще идти на свидание. К примеру, услышав названия модных рок-клубов и молодежных баров, я под благовидным предлогом отменял встречу. В конце концов, я заводил знакомство не для того, чтобы отплясывать под оглушающую музыку транс. С другой стороны, приглашения в заушный литературный подвал или на симфонический концерт выглядели верными признаками скучного снобизма, которого следовало опасаться едва ли не больше, чем пустопорожнего легкомыслия трясогузок из подростковой тусовки.

Но даже те матери-одиночки, которые выбирали солидные рестораны консервативного типа, никогда не приводили на первую встречу детей, считая их присутствие излишним. Думаю, они полагали, что прежде всего друг другу должны понравиться взрослые, а дети – дело десятое. В принципе, я разделял эту довольно логичную точку зрения, да вот беда – она решительно не нравилась моей снаружижке. Я чувствовал, что для Нее главным в семье был именно ребенок. Видимо, Она давно смирилась с невозможностью завести мужа, но дети, дети... Ей ужасно хотелось детей, этой толстой уродине-зайке.

Вот и женщина по имени Трай помещала в центр нашего предполагаемого свидания своего пятилетнего мальчика, его вкусы и интересы, режим его сна. «А что же она сама? – думал я. – Неужели у нее нет никаких личных предпочтений? Неужели вся ее жизнь посвящена исключительно ребенку?»

Мы договорились встретиться в ближайшем к моему дому «Макдональдсе» – дешевой трехцветной едальне с топорными столами и грубо нарисованными гамбургерами. Отчего-то я сильно волновался, пришел намного раньше, чтобы занять столик, и теперь досадовал на себя. Столы в забегаловке хотя и не пустовали, но моментально освобождались за счет быстрого оборота клиентов; здесь никто не задерживался, люди просто заглывали свою котлету и убегали, и в этой кипучей текучести я выглядел нелепой насадкой, неизвестно для чего рассевшейся на трех стульях сразу. Наверно, поэтому на эти свободные места постоянно покушались, и мне пришлось застолбить свою территорию при помощи трех огромных загодя взятых порций. Каждая из них состояла из чудовищного Биг-Мака, пластикового ведра кока-колы и корзины чипсов размером с холодильник. Все это добро стоило меньше двадцати хайлеров.

– Здравствуйте. Можно?

– Занято! – в который уже раз буркнул я и пошире расставил руки, прикрывая стулья от потенциальных захватчиков. – Вы что, не видите?

Женщина смущенно хмыкнула:

– Извините... я думала, вы Найт.

Только теперь я разглядел, что за ее спиной прячется мальчик лет пяти. Я вскочил, проклиная свою несообразительность. Впрочем, меня отчасти извинял тот факт, что они тоже пришли раньше назначенного.

– Трай?! А это, наверно, Постум? Садитесь, конечно, садитесь... Я и не сообразил... как вы меня узнали?

Она пожала плечами.

– По вашему описанию. Синий костюм. Тут кроме вас во всем зале...

«И в самом деле, – подумал я. – Кто еще ходит по обжоркам в классической английской тройке...»

Чувство неловкости не уходило – возможно, потому, что я умножал его своей суетой, двигая туда-сюда стулья и бесцельно переставляя по чертовому столу чертовы ведра с чертовой колой.

– Но что же вы не садитесь? Пожалуйста... Вот кола, вот еда... надеюсь, еще не слишком остыло. И не выдохлось. Хотя можно заказать снова. Пожалуйста.

Мальчик вскарабкался на стул в два приема, как делают дети с богато прорисованным набором движений: сначала встал на сиденье коленками и лишь потом, устроившись и свесив ноги, принялся болтать ими с характерной беспечностью пятилетнего ребенка. Его чрезвычайно развитая мимика сразу приковывала внимание; пожалуй, в нее было вбухано не меньше хайлеров, чем в мою – а я-то наивно полагал свой арсенал выразительных средств едва ли не рекордным! Постум воткнул в стакан соломинку и стал сосредоточенно втягивать в себя колу. Он выглядел довольным, так что я мог переключиться на мать.

– Здесь не слишком презентабельно, правда?

Если вам не нравится, можно пойти в другое место. Например, в итальянский ресторан. Там уютно и не так шумно. Это недалеко.

Трай снова пожала плечами. В отличие от сына она реагировала довольно скупой, как будто все семейные деньги ушли на него, оставив в ее распоряжении лишь самый примитивный ассортимент. Пока что она даже ни разу не улыбнулась: лицо женщины сохраняло сугубо нейтральную гримаску, одну из основных, бесплатных.

– Нет-нет, – проговорила она, глядя на мальчика. – Постуму нравится.

– А вам? – не удержался я.

Она повернула ко мне лицо, снова не потрудившись хотя бы из вежливости изменить его выражение.

– А мне все равно. Важен тут именно Постум.

Вы не согласны?

Я улыбнулся, мобилизовав для этого самую добрую свою улыбку.

– Согласен, конечно, согласен. Мне тоже кажется, что главную роль в семье играют дети.

Тем более такие симпатичные...

Трай кивнула. Над столиком повисло неловкое молчание – видимо, она, как и я, затруднялась с продолжением разговора. Не знаю, чем бы это кончилось, если бы мальчишка не взял инициативу на себя.

– А ты так умеешь? – сказал он и вдруг подмигнул, не выпуская соломинки изо рта.

К счастью, моя снаружистка как раз накануне приобрела для меня эту способность, причем на оба глаза. Мог ли я представить, что это ничемное, редко где применимое умение сыграет такую роль в моей жизни?

– Конечно! – я уверенно подмигнул в ответ. – А вот и другим глазом. Сам-то ты умеешь другим?

Мальчик восторженно раскрыл рот, едва не уронив соломинку на пол.

– А можно и другим? Вот здорово! Мама, я тоже хочу. Купишь мне и другим?

Трай кивнула.

– Конечно, Постум. Купим и другим... – она повернулась ко мне и наконец-то сменила нейтральное выражение лица на другое, столь же стандартное, но более благожелательное. – Что вы еще умеете?

Вопрос выглядел чересчур прямым, чтоб не сказать грубоватым.

– Честно говоря, не так уж и много, – вызывающе ответил я. – Работаю в области рекламы. Заработок средний, ближе к скромному. Живу один, в собственном доме. Не дворец, но на троих хватит. Езжу на общественном транспорте. Вот, пожалуй, и все. Так что если вы ищете богатого мужа...

– Нет-нет, – перебила Трай. – Денег нам хватает.

– Понятно, – согласился я, выразительно оглядываясь на обжорку. – При таких запросах это неудивительно.

Женщина снова нацепила свою нейтральную маску.

– Не в этом дело, господин Найт. Мы и в самом деле не нуждаемся.

– Мама думает, что мне нужен папа, – вмешался Постум. – Ты любишь зоопарк?

Я присвистнул.

– Кто же не любит зоопарка?

– О! Ты еще и свистишь... – замороженно проговорил мальчик.

Теперь он не отрывал от меня глаз. По-моему, ему нравилось то, что он видел. В чем я никак не был уверен, так это в симпатии его чопорной мамы. Через несколько минут она поднялась со стула, давая понять, что аудиенция подошла к концу. Я настоял на том, чтобы проводить их на улицу – не из галантности, которая выглядела неуместной ввиду явно неудавшегося знакомства, а просто потому, что не мог вынести дальнейшего пребывания в проклятой забегаловке. У тротуара была припаркована дорогушая спортивная машина – их машина. Это добило меня окончательно: все мое имущество, включая дом и драгоценную коллекцию мимики и интонаций, не стоило и трети такой роскошной тачки.

Трай села в машину, кивнув на прощание с тем же нейтральным выражением, с которым садилась за стол при первой и, видимо, последней нашей встрече. Зато Постум махал мне рукой из окна, пока они не скрылись из виду, свернув в направлении берегового шоссе. «На пляж, куда же еще... – подумал я, расслабляя узел галстука. – Ну ты попал, братец... бывают в жизни неудачные свидания, но чтоб настолько...»

Как всегда в таких случаях, я тут же сорвал злость на своей недотепе-снаружистке. Вряд ли Она была виновата в моем провале хоть краем, но так уж у нас заведено, ничего не попишешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.